

УДК 993

Религия, политика и наука в истории Российской духовной миссии в Пекине*

Н. М. Векшина

кандидат философских наук, специалист по связям с общественностью, Государственный музей истории религии. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: veksha@rambler.ru

Аннотация: Роль православных миссионеров в установлении, развитии, поддержании дипломатических, культурных и отчасти религиозных связей на Дальнем Востоке сложно переоценить. Несмотря на большое число работ по данной теме, тем не менее, существует необходимость комплексного религиоведческого анализа миссионерской деятельности Русской православной церкви как части дальневосточной политики России.

История Пекинской духовной миссии достаточно изучена в российской историографии. Однако сведения о соотношении религиозных, политических и научных функций этого учреждения представлены не совсем четко либо не представлены вообще. Настоящая статья имеет своей целью проанализировать деятельность Пекинской духовной миссии как совокупность трех ее составляющих – религиозной (миссионерской), политической и научной, обозначить необходимость комплексного подхода к изучению данного феномена российской истории. О выполнении Российской духовной миссией в Пекине научных занятий и исследований, ее взаимодействия с Российской академией наук в отечественной историографии представлено крайне мало информации, кроме перечисления некоторых известных фамилий, краткого упоминания о факте и характере их деятельности. Исключением является переводческая деятельность миссии. Она освещена достаточно подробно. Научная и исследовательская составляющая работы китайской духовной миссии, ее связь с Российской академией наук, выявление значения этого явления требует тщательного изучения современными исследователями. Без полноценного изучения научной деятельности миссии невозможно дать адекватную оценку роли и значению такому феномену дальневосточной политики России, как Пекинская духовная миссия, и дать ответ на вопрос о соотношении религии, политики и науки в рамках этого учреждения.

Ключевые слова: Пекинская духовная миссия, Российская академия наук, наука, политика, религиоведческий анализ дальневосточной политики России.

Китай – один из важнейших партнеров России на Дальнем Востоке. Исследования культуры и истории Дальнего Востока, в том числе и Китая, не теряют своей актуальности последние столетия. Сегодня проблема взаимоотношений наших государств актуальна как никогда. Несмотря на большое число работ по данной теме, некоторые аспекты остаются малоизученными или требуют переосмысления на современном этапе гуманитарной науки. Роль православных миссионеров в установлении, развитии, поддержании дипломатических, культурных и отчасти религиозных связей на Дальнем Востоке сложно переоценить. До сих пор существует необходимость религиоведческого анализа такого феномена дальневосточной политики России, как миссионерская деятельность Русской православной церкви в указанном регионе. Религиоведческий анализ включает в себя разнообразные методы и позволяет комплексно подойти к изучению предмета. В настоящей статье будет рассмотрен один из срезов российской дальневосточной политики, касающийся вопроса взаимодействия Пекинской духовной миссии и Российской академии наук.

История Пекинской духовной миссии достаточно изучена в российской историографии. Во многих научных исследованиях и непосредственно в самих источниках, связанных с китайской миссией, оговаривается тот факт, что миссия на протяжении истории своего существования выполняла не только религиозные, но также политические и научные функции. Однако стоит отметить, что сведения о соотношении этих функций представлены не совсем четко либо не представлены вообще. В основном приводится периодизация истории миссии и упоминание о том, что в начальный период существования миссия, по сути, играла дипломатическую роль во взаимоотношениях России и Китая и не имела возможности вести полноценную миссионерскую деятельность. Настоящая статья имеет своей целью проанализировать деятельность Пекинской духовной миссии как совокупность трех ее составляющих – религиозной (миссионерской), политической и научной, – обозначить необходимость комплексного подхода к изучению данного феномена российской истории, указать на наличие «белых пятен» в историографии этого вопроса.

Первая российская духовная миссия прибыла в Пекин в 1712 г. по распоряжению Петра I и с согласия китайского правительства. Первый период миссии¹ – с 1712 по 1860 г. – характеризуется

* Выполнено в рамках проекта РГНФ № 17-33-01037.

© Векшина Н. М., 2018

исключительно преследованием дипломатических, политических и коммерческих целей. Несмотря на то что во главе миссии стояли духовные лица, они были лишены возможности заниматься христианской проповедью. Главной их обязанностью было изучение языка и наблюдение за правильным изучением китайского и маньчжурского языков студентами миссии. «Миссия несла служебную роль при азиатском департаменте, подготавливая переводчиков для сношения нашего правительства с китайцами. В начале, не имея в Китае своих представителей, русское правительство давало миссионерам поручения дипломатического или коммерческого характера, проповедь же отходила на третьестепенный план» [9, с. 60–61; 12, с. 9]. В распоряжениях Петра I содержались обязательные инструкции о поддержании православной веры среди пленных албазинцев. Тем не менее невозможно отрицать прагматизм российского императора в этом вопросе и его серьезную заинтересованность в установлении прочных торговых отношений с китайцами. Недаром в 1719 г. он отправил в Поднебесную чрезвычайным посланником капитана гвардии Льва Измайлова для решения вопросов о свободной торговле [7, с. 4]. Благодаря Измайлову русское торговое подворье, на базе которого впоследствии расположился Российский посольский двор (Вэй-гун-гуань) и была открыта Вторая духовная миссия, находилось в самой оживленной части города, в непосредственной близости к императорскому дворцу, присутственным и торговым местам [7, с. 31]. Начальник второй миссии поселился на территории Российского посольского двора согласно 5-му пункту Кяхтинского трактата 1729 г. С прибытием российской миссии посольский двор стали называть Наньгуань (Южное подворье) в отличие от Бэйгуань (Северное подворье), где жили албазинцы [8, с. 335].

Факт рационального подхода к утверждению Пекинской миссии и постановки перед ее участниками мирских по своей сути задач косвенно подтверждается и письмами Г. В. Лейбница к Петру I, в которых говорилось о значении и важности роли России в установлении культурных и торговых связей с Китаем в качестве посредника между Западом и Востоком [13, с. 95–99, 217–220]. Кроме инструкции о поведении на территории Китая от Синода² [6, с. 53–58], начальники и участники последующих миссий снабжались инструкцией и указаниями Коллегии иностранных дел добывать полезные сведения разного рода об этой стране. Это видно, например, и из письма участника 8-й миссии – иеромонаха Алексея иркутскому наместнику Л. Т. Нагелю, которое он писал по секретному предписанию последнего от 6 ноября 1795 г. В нем иеромонах Алексей сообщает Нагелю о наличии у него инструкции от Государственной иностранной коллегии «приобретать полезные для отечества нашего сведения» [10, с. 5–6].

Начальнику уже Десятой миссии (1821–1830) – архимандриту Петру (Каменскому) – была адресована инструкция известного монголоведа и тибетолога А. Я. Шмидта (1779–1847) под заглавием «Инструкция для отправления в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» от 3 декабря 1829 г. Говоря о предметах, которыми, по мнению Шмидта, должны заниматься члены миссии, он выделяет три направления: история и физика предметов; восточные языки и литература; этнография Китая и соседних стран [3, с. 22].

В этом плане также примечательно существование института учеников, или студентов, который был важнейшей составляющей Пекинской духовной миссии. В число светских членов миссии назначались молодые люди из числа студентов высших учебных заведений и Духовной академии. Занятия между учениками распределялись с учетом их предварительных знаний, желаний и способностей: они изучали медицину, математику, литературу и философию, систему Конфуция, историю, географию, статистику и юриспруденцию китайского государства. Пекинская миссия дала России первых видных ученых-китаистов: И. К. Рассохин (1707–1761), А. Л. Леонтьев (1716–1786), Н. Я. Бичурин (1777–1853), О. М. Ковалевский (1800–1878), И. П. Войцеховский (1793–1850), И. И. Захаров (1814–1885), П. И. Кафаров (1817–1878), В. П. Васильев (1818–1900). Научное наследие этих сотрудников и сейчас представляет собой настоящую сокровищницу российского китаеведения. «Что касается до Членов Миссии светских или Студентов, то главною целью отправления их в Пекин есть основательное изучение языков Маньчжурского и Китайского, также проверка и распространение сведений о Китае и проч. Те и другие помещаются на обширном Российском подворье...» [5, с. 58]. Взамен на разрешение китайских властей включать в состав миссии учеников и преподавателей из России по Кяхтинскому договору, последние обязаны были обучать подданных китайского императора русскому и

¹ Второй период миссии: 1864–1897 гг. – отделение дипломатической миссии церкви от собственно миссионерской; Третий – до 1917 г. – проповедь и издательское дело.

² Например, «Инструкция от Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода, отправляющемуся Китайского государства в столичный город Пекин архимандриту, коему в бытность его там предписывается поступать по нижеследующему», данная начальнику 8-й духовной миссии – архимандриту Иоакиму Шишковскому, оговаривает исключительно правила поведения участников миссии в стране, связанные с христианской проповедью, предписывает проводить ее доброжелательно и без насилия, даже «ласково» обращаться с иезуитами.

латинскому языку. Благодаря этим прикомандированным к миссии ученикам Россия имела возможность получать большую часть сведений и знаний о Поднебесной. Например, ученик 8-й миссии Антон Владыкин представил коллегии иностранных дел обстоятельный рапорт и содержательную записку вместе с планом Пекина и всего Китая. Этот план был составлен католическими миссионерами на китайском и маньчжурском языках при императоре Цянь Луне (1736–1796). Владыкин добыл его у одного офицера из библиотеки ханского племянника Юнвана [7, с. 73]. Другие студенты этой же миссии – Каменский и Липовцев – были определены в Министерство иностранных дел «и с большой пользой для правительства отправляли свои служебные обязанности. Тот и другой оставили несколько трудов, хранящихся в библиотеках Публичной и Азиатского Департамента. В основании последней (в 1819 г.) Липовцев принимал самое деятельное участие» [7, с. 78]. Каменский и Липовцев также составили совместный «Каталог китайским и японским книгам», хранящийся в Академии наук.

В стенах Пекинской миссии проходили серьезную подготовку не только ученые-специалисты по Востоку, но и многие сотрудники Коллегии иностранных дел, а затем Азиатского департамента МИД России, в том числе первые российские консулы в Китае (А. А. Татаринов, И. И. Захаров, К. А. Скачков и другие) [2, с. 12]. Это снова подтверждает теснейшую взаимосвязь между политикой, наукой и религией, без понимания и адекватной оценки соотношения которых невозможно полноценное изучение Духовной миссии в Китае.

О выполнении Российской духовной миссией в Пекине (а после 1861 г. – в связи с открытием российской дипломатической миссии – и за пределами Пекина) научных занятий и исследований, ее взаимодействии с Российской академией наук в отечественной историографии представлено крайне мало информации, кроме перечисления некоторых известных фамилий, краткого упоминания о факте и характере их деятельности. Членами-корреспондентами Академии наук были, например, следующие участники Пекинской миссии: ученик 8-й (1794–1807) и начальник 10-й (1821–1830) миссий, директор Российского комитета Библейского общества архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский), его товарищ по 8-й миссии Степан Васильевич Липовцев – по классу литературы и древностей Востока [11, с. 6–7]. В 1840 г. в составе 12-й миссии (1840–1849) в Пекин был командирован будущий известный ученый-синолог, буддолог, санскритолог, академик Петербургской АН, декан Восточного факультета СПбУ (1878–1893) Василий Павлович Васильев [4, с. 132–137], проживший там более девяти лет. «Он добросовестно выполнил все указы ученых университета, добившись исследовательских результатов, неустанно работал над совершенствованием своих знаний в монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках, собрал ценный материал по истории, литературе, этнографии, географии, философии и религиям Китая и других стран Дальнего Востока и выполнил огромную работу по изучению феномена дальневосточной цивилизации» [3, с. 26].

Переводческие и лингвистические занятия участников миссии являются наиболее изученной темой из всей многогранной и обширной деятельности Пекинской духовной миссии. Она освещена достаточно подробно на примере таких выдающихся личностей миссии, как Иакинф (Н. Я. Бичурин), Палладий (П. И. Кафаров), Николай (П. И. Адоратский), Алексей (А. Н. Виноградов) [11, с. 6–7].

Участник 16-й и 17-й духовных миссий, известный китаевед, иеромонах Алексей (Александр Николаевич Виноградов) в своей работе «Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине» приводит цитату из статьи англичанина «д-ра Дейжена» “Sketch of Russian ecclesiastical intercourse in China 1871–1872”, напечатанную в миссионерском журнале “Chinese Recorder”. (К сожалению, автору настоящей статьи не удалось найти оригинальный источник.) В этой статье Дейжен отмечает, что многочисленные ученые и географические экспедиции, посылаемые из России с научной целью в Центральную Азию, Монголию, Маньчжурию, обогатили науку ценными материалами и исследованиями, расширившими значительно ее кругозор относительно стран и народов прежде неизвестных [1, с. 65]. Он также приводит фамилии некоторых русских ученых и называет их исследования: М. Д. Крылов, доктор Миссии (1830–1842 гг.), ревностный собиратель растений и известный знаток ботаники; студент Кованько (1830–1840 гг.) опубликовал геологические и минералогические сочинения по коллекциям в Пекине; И. А. Гошкевич, студент, астроном в Пекине, будущий консул в Японии (1840–1850 гг.); К. А. Скачков, астроном Пекинской обсерватории и потом генеральный консул в Тяньцзине (1850–1857 гг.), написал труды «История Китайской астрономии» (1870), «Описание Русской обсерватории в Пекине»; Е. Бредшнейдер, доктор Миссии (1866 г.), написал «Древние географические названия для стран Китая и Японии», «Сочинения китайские по ботанике» и др.; доктор Д. Татаринов – «Китайское искусство врачевания» [1, с. 65].

Следует обозначить тот факт, что научная и исследовательская составляющая работы китайской духовной миссии, ее связь с Российской академией наук, определение значения этого явления требуют тщательного изучения современными исследователями. Например, астрономические и

метеорологические занятия членов миссии, значение их работ и исследований не были изучены и проанализированы ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Только сейчас в исследовательской среде данный аспект деятельности миссии вызвал интерес. Российская магнитно-метеорологическая обсерватория на территории Пекинской духовной миссии была основана в 1848 г. Ею последовательно заведовали К. А. Скачков (до 1857 г.), Д. А. Пещуров (до 1863 г.), Г. Фритше (до 1883 г.). Этими учеными собрано значительное число специальных книг и брошюр, русских и иностранных, ими были произведены важные астрономические, топографические и метеорологические исследования, существенно обогатившие российскую и мировую науку.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что Российская духовная миссия в Китае сыграла значительную роль в установлении и развитии международных отношений между Россией и Китаем; в ее стенах прошли серьезную подготовку известные российские дипломаты, способствовавшие в дальнейшем установлению дипломатических отношений России и с другими странами Дальнего Востока; российская и мировая наука приобрела выдающихся специалистов по изучению китайского языка, культуры, религии, политики, астрономии, медицины, ботаники, метеорологии и т. д. Без полноценного комплексного изучения не только миссионерской, но и политической и, прежде всего, научной деятельности миссии невозможно дать адекватную оценку роли и значению такому феномену дальневосточной политики России, как Пекинская духовная миссия, и дать ответ на вопрос о соотношении религии, политики и науки в рамках этого учреждения.

Список литературы

1. *Алексий (Виноградов)*. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине, (в Китае) : С прил. каталога черт. и рис. / Иером. Киевопечер. Успен. лавры Алексий (Виноградов) (с 1881 г. по 1888 г. б. чл. означ. Миссии). СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1889. [198] с. разд. паг., 4 л. ил., черт.
2. *Андреева С. Г.* Пекинская Духовная Миссия в контексте Российско-Китайских отношений (1715–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
3. *Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г.* В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) // Миссионеры на Дальнем Востоке : материалы междунар. науч. конф. СПб. : 19–20 ноября 2014 г. / сост.: В. Ю. Климов, Т. А. Пан, К. Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В. В. Щепкин. СПб., 2015. С. 22–26.
4. *Воробьева-Десятовская М. И.* Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. 1(16). С. 132–137.
5. *Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б.* Архимандрит Петр (Каменский). М. ; Гонконг : Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013.
6. Историческая записка архимандрита Софрония Грибовского. (8-я миссия, 1894-1708).
7. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования / под ред. и рук. И. Фигуровского. 1-е изд. Пекин : Тип. Успенского монастыря, 1916.
8. *Ломанов А. В.* Российская духовная миссия в Китае // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. М. : Вост. лит., 2006. С. 335.
9. *Ножин Е. К.* Христианство в Китае. Исторический очерк // Историческая летопись. Первый Патриарх всероссийский Иов к 325 летию установления. Кн. № 1–4 . СПб. : Тип. и хромофотография П. П. Сойкина, 1914 . Январь – апрель 1914 г. (кн. 1–4). С. 60–61.
10. Письмо «Старец Алексей – Правителю Иркутского наместничества Лариону [Людвигу] Тимофеевичу Нагелю. 1795 ноября 27» // Смольянинов В. Дело о бывшем в Пекине иеромонахе Алексее. М. : Синодальная тип., 1904. С. 5–6.
11. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае / отв. ред. М. Н. Боголюбов, арх. Августин (Никитин). СПб. : «Андреев и сыновья», 1993.
12. Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии // Китайский благовестник. Год IX. 1912. Вып. 4.
13. Сборник писем и мемуаров Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / изд. В. И. Герье. СПб., 1873.

Religion, Politics and Science in the History of the Russian Spiritual Mission in Beijing

N. M. Vekshina

PhD in philosophy, PR specialist, The State Museum of the History of Religion.
St. Petersburg, Russia. E-mail: veksha@rambler.ru

Abstract: Russian missionaries' role in establishment, development, supporting diplomatic, cultural and partly religious relationships in the Far East is difficult to overestimate. Despite there are many works on this theme, nevertheless, there is a need of complex analysis with methods of religious studies of the Russian Orthodox Church's missionary activity as a part of the far eastern policy of Russia.

The history of the Peking Spiritual Mission is well studied in the Russian historiography. Nevertheless, information about correlation of religious, politic and academic functions of this institution is not fully presented or not presented at all. The article aims to analyze the Peking Spiritual Mission's activity as combination of its three components – religious (missionary), political and academic, to emphasize the necessity of complex studying of this Russian history's phenomenon. In the Russian historiography there is very poor data about academic work and researches of the Russian Spiritual mission in Peking, its connection with the Russian Academy of Science, not saying of several famous names, mentioning of the fact and character of their work. The exception is the Mission's translating work. It is studied more thoroughly. The academic and research components of the Chinese Spiritual mission, its connection with the Russian Academy of Science, understanding of meaning of such a phenomenon needs to be carefully studied by modern researchers. Without proper studying of the academic activity of the mission it is impossible to give an adequate estimate to such a phenomenon of the Far-Eastern policy of Russia as the Peking Spiritual Mission and give an answer to the question of correlation of religion, policy and science in this institution.

Keywords: the Peking Spiritual Mission, the Russian Academy of Science, science, politics, analysis with methods of religious studies of Russia's far eastern policy.

References

1. Aleksij (Vinogradov). *Kitajskaya biblioteka i uchenye trudy chlenov Imperatorskoj Rossijskoj duhovnoj i diplomatičeskoj missii v g. Pekine ili Behj-Czine, (v Kitae) : S pril. kataloga chert. i ris.* [The Chinese library and scientific works of members of Imperial Russian spiritual and diplomatic mission in a Beijing or Bay Jin (China): with catalog of drafts and drawings / Monk of the Kiev Pechersk Dormition lavra Alexy (Vinogradov) (from 1881 to 1888 b. member of above mentioned Missions.) SPb. Typ. br. Panteleevs. 1889. [198], 4 il., drafts.
2. Andreeva S. G. *Pekinskaya Duhovnaya Missiya v kontekste Rossijsko-Kitajskih otnoshenij (1715–1917 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Beijing Spiritual Mission in the context of Russian Chinese relations (1715–1917): abstr. dis. ... Cand. hist. sciences]. M. 2002.
3. Aleev R. M. Valeeva R. Z., Fedorchenko R. G. V. P. Vasil'ev v XII Pekinskoj duhovnoj missii: arhivnye materialy (1840–1850 gg.) [V. P. Vasiliev in the XII of the Beijing spiritual mission: archival materials (1840-1850)] // *Missionery na Dal'nem Vostoke : materialy mezhdunar. nauch. konf. SPb. 19–20 noyabrya 2014 g* – Missionaries in the far East: proceedings of the international scient. Conf. SPb. 19-20 November 2014 / comp. V. Klimov, T. A. Pan, K. G. Maranjan, D. Kiknadze, V. V. Shchepkin. SPb. 2015. P. 22.
4. Vorob'eva-Desyatovskaya M. I. *Akademik V. P. Vasil'ev ob istorii buddijskoj filosofii (teksty na tibetskom i kitajskom yazykah)* [Academician V. P. Vasiliev about the history of Buddhist philosophy (texts in Tibetan and Chinese)] // *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* – Written monuments of the East. 2012, 1 (16), pp. 132–137.
5. Dacyshen V. G., Chegodaev A. B. *Arhimandrit Petr (Kamenskij)* [Archimandrite Peter (Kamensky)]. M.; Hong Kong. Brotherhood of the Holy apostles Peter and Paul. 2013.
6. *istoricheskaya zapiska arhimandrita Sofroniya Gribovskogo. (8-ya missiya, 1894–1708)* – Historical note by the Archimandrite Sophronius Gribovskiy. (8th mission, 1894–1708).
7. *Kratkaya istoriya Russkoj pravoslavnoj missii v Kitae, sostavlenaya po sluchayu ispolnivshegosya v 1913 godu dvuhstoletnego yubileya ee sushchestvovaniya* – A brief history of the Russian Orthodox mission in China, composed on the occasion of the bicentennial year of its existence in 1913 / ed and supervision I. Figurovsky. 1st ed. Beijing. Typ. of Assumption monastery. 1916.
8. Lomanov A. V. *Rossijskaya duhovnaya missiya v Kitae* [Russian spiritual mission in China] // *Lomanov A. V. Rossijskaya duhovnaya missiya v Kitae* – Spiritual culture of China: an encyclopedia: in 5 vol. / chief ed. M. L. Titarenko; In-t of the Far East. Vol.2. M. Vost. lit. 2006. P. 335.
9. Nozhin E. K. *Hristianstvo v Kitae. Istoricheskij ocherk* [Christianity in China. Historical essay] // *Istoricheskaya letopis'. Pervyj Patriarh vserossijskij Iov k 325 letiyu ustanovleniya* – Historical chronicle. The first all-Russian Patriarch Iov to 325 anniversary of establishment. Book № 1-4. SPb. Typ. and chromolithograph of P. P. Soykin. 1914. January-April 1914 (Book 1–4). Pp. 60–61.
10. Pis'mo «Starec Aleksej – Pravitelyu Irkutskogo namestnichestva Larionu [Lyudvigu] Timofeevichu Nagelyu. 1795 noyabrya 27» – Letter "The old man Alexey – the Governor of Irkutsk vicegerency of Larion [Ludwig] T. Nagel. 1795 Nov 27" // *Smol'yaninov V. Delo o byvshem v Pekine ieromonahe Aleksee* [Case of the former in Beijing hieromonk Alexei]. M. Synodal typ. 1904. Pp. 5–6.
11. *Pravoslaviye na Dal'nem Vostoke. 275-letie Rossijskoj duhovnoj missii v Kitae* – Orthodoxy in the far East. 275th anniversary of the Russian spiritual mission in China / resp. ed. M. N. Bogolyubov, arch. Avgustin (Nikitin). SPb. "Andreev and sons". 1993.
12. *Prazdnik Vsekh Svyatych Muchenikov i yubilej Missii* – The feast of All Holy Martyrs and the anniversary of the Mission // *Kitajskij blagovestnik* – Chinese Evangelist. Year IX. 1912. Issue 4.
13. *Sbornik pisem i memuarov Lejbnica, otnosyashchihsya k Rossii i Petru Velikomu* – A collection of letters and memoirs of Leibniz, referring to Russia and Peter the Great / ed. V. I. Gere. SPb. 1873. Pp. 95–99, 217–220.